

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА / LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.63.4>

ОСОБЕННОСТИ КОСМОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ЭПИЗОДА БЕССОННИЦЫ В РОМАНЕ ДЖ. МЕТЭМА «АМОРИЙ И КЛЕОПА» (XV В.)

Научная статья

Семёнов В.Б.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0003-2532-5381;¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (vadsemionov[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается выступающий материалом исследования рыцарский роман Джона Метэма “Amoryus and Cleopes” («Аморий и Клеопа»). Предметом исследования являются особенности проецирования в текст тех научных сведений из области астрономии, в частности космологических, которыми владел автор произведения. Исследование осуществлено при помощи культурно-исторического метода и текстологического анализа. Основное внимание было уделено одному из эпизодов романа – сцене бессонницы персонажа Паламедона. Целью исследования явилось определение того, как внедрение в текст средневековых научных знаний повлияло на жанровую форму романа, а задачами – оценка характера привлекаемых писателем космологических сведений и определение того, занимался ли он только перенесением в текст известных научных и мифологических сведений, или допускал их оригинальную творческую трактовку. Поскольку ранее таких исследований не производилось, это определяет новизну исследования, предложенного в данной статье. В ходе исследования было выявлено, что Метэм обратился не к наиболее точному виду астрономии, связанному с математическими расчетами, а к упрощенному и понятному её виду, доступному не обязательно получившим университетское образование читателям: этим видом оказалась астрономия мифологическая, связующая небесные явления с сюжетами и героями античных мифов. Также было отмечено, что Метэм не переносит механически сведения, почерпнутые у Аристотеля, Цицерона и других, писавших о космосе и богах, включая английских писателей Сакробоско и Тревизу, а допускает некоторые вольности, отклоняясь от стандартного набора сведений. Итог исследования подводит к выводу о том, что активное внедрение научных сведений в такую тяготеющую к стереотипам форму, как рыцарский роман, позволяет увидеть ее полижанровую природу и выделить произведение Метэма из круга стандартных образцов жанра. А это, в свою очередь, сообщает проведенному исследованию актуальность, так как последнее фактически вступает в противоречие со стереотипическим отношением историков английской литературы к XV веку как к «бесплодному» столетию.

Ключевые слова: Джон Метэм, рыцарский роман, полижанровая структура, космология, астрология.

FEATURES OF THE COSMOLOGICAL CONTENT OF THE EPISODE OF INSOMNIA IN J. METHAM'S NOVEL “AMORYUS AND CLEOPES” (XV CENTURY)

Research article

Semyonov V.B.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0003-2532-5381;¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (vadsemionov[at]mail.ru)

Abstract

The article examines John Metham's chivalric novel “Amoryus and Cleopes”. The subject of the study is the specifics of projecting into the text those scientific facts from the field of astronomy, in particular cosmological ones, which were possessed by the author of the work. The research was carried out with the help of cultural-historical method and textological analysis. The main attention was paid to one of the episodes of the novel – the scene of insomnia of the character Palamedon. The aim of the study was to determine how the introduction of medieval scientific knowledge into the text influenced the genre form of the novel, and the objectives were to assess the nature of cosmological information attracted by the writer and to identify whether he was engaged only in the transfer of known scientific and mythological information into the text, or allowed their original creative interpretation. Since no such research has been done before, this determines the novelty of the research proposed in this article. In the course of the study it was found that Metham turned not to the most precise kind of astronomy, connected with mathematical calculations, but to its simplified and understandable kind, accessible not necessarily to university-educated readers: this kind turned out to be mythological astronomy, linking celestial phenomena with the plots and heroes of ancient myths. It was also noted that Metham does not mechanically transfer information from Aristotle, Cicero, and others who wrote about the cosmos and the gods, including the English writers Sacrobosco and Treviso, but takes some liberties in deviating from the standard set of information. The result of the study leads to the conclusion that the active introduction of scientific information into such a stereotype-prone form as the chivalric novel allows us to see its polygenre nature and to distinguish Metham's work from the circle of standard examples of the genre. This, in turn, makes the study relevant, since the latter actually contradicts the stereotypical attitude of historians of English literature to the fifteenth century as a “barren” century.

Keywords: John Metham, chivalric romance, polygenre structure, cosmology, astrology.

Введение

Уже более века английское литературоведение числит XV столетие временем «бесплодным», как хлестко, но не весьма справедливо выразился в 1913 году Уильям Генри Хадсон [11]. Он задал для соотечественников традицию видеть в словесности этого века только вторичные опусы, а их авторов, «чосерианцев», представлять паразитирующими на темах и приемах великого предшественника. Между тем, такой искаженный взгляд на литературную продукцию целого столетия мешал заметить оригинальные сочинения и отнести к ним непредвзято.

Одним из подобных недооцененных памятников является роман Джона Метэма «Аморий и Клеопа» (“Amoryus and Cleopes”). Он был создан в 1449-м г., вскоре после смерти «чосерианца» Лидгейта. Указания на оба исторических факта даны в конце текста Метэма: в стихах 2176-77 присутствует косвенная датировка (“I endytyd this story // Floryschyng the sevyn and twenty yere of the sext Kyng Henry” – «Я закончил эту историю // К исходу двадцати семи лет правления короля Генриха VI»), а после восхваления Чосера и Лидгейта как своих творческих ориентиров двадцатипятилетний поэт в стихе упомянул о смерти обоих (“But nowe thei bothe be pasyd...” – «А теперь они оба упокоились...»), что особенно важно в случае Джона Лидгейта, так как, по-видимому, сделанное Метэмом уточнение – единственное известное свидетельство (ведь смерть Лидгейта, не зная, что следовало бы обратить внимание этот стих Метэма, нередко датируют приблизительно: «около 1450 года» и т.п.).

Спустя три года после обвинения Хадсоном писателей XV века в «бесплодности» вышло из печати подготовленное Хардином Крэйгом издание всех сохранившихся сочинений Метэма [15], среди которых и его единственный роман «Аморий и Клеопа» (сам автор в нем указывал, что он прежде написал сочинения об Александре Македонском и об Иосифе, но иных свидетельств об этом не существует, а сами тексты до нас не дошли). В 1999 году Стивен Пейдж представил отдельное комментированное издание романа (по нему мы далее будем цитировать текст) [14]. Но нельзя сказать, что это побудило историков литературы прочно вписать имя Метэма в художественный контекст упомянутого столетия, ведь даже по сей день существует ничтожно малое количество статей, посвященных его произведению.

Автор, Адресаты романа и Рукопись

Чтобы указать на то, в чем же оригинальность этого образца широко распространенного в позднесредневековой Англии стихотворного рыцарского романа, следует предварительно дать краткую справку об авторе литературного памятника и об адресатах текста (как и содержащей его рукописи в целом).

В издании Крэйга рядом с романом оказался «научный» трактат «Физиогномика», который подписан так: “Jop Metham, scolege off Sambryg” («Джон Метэм, ученый из Кембриджа»). А в другом прозаическом опусе, «научном» руководстве по хиромантии, Метэм обозначил себя «простым ученым философом». Но именно роман, о чем будет сказано ниже, показывает, что его создатель действительно ученый человек, стремящийся старательно проецировать в свой художественный текст различные сведения из естественных наук, космологии, мифологии, а также истории.

Покровителем Джона Метэма являлся Майлз Стэплтон, оба были потомками знатных семей, связанных с Йоркширом, а к моменту написания романа, а именно в 1440-х годах, сэра Майлз был заметной фигурой, в частности, находился на должности верховного шерифа графств Саффолк и Норфолк. И Метэм указал в тексте романа, что свои художественные творения, включая и данное, он адресует сэру Майлзу и его жене (ст. 2146). Леди Кэтрин происходила из известного семейства Де ла Поль. Её дед, Майкл Де ла Поль, был вторым графом Саффолка и многодетным отцом. Его сын Уильям, дядя Кэтрин, после смерти старшего брата в битве при Азенкуре унаследовал титул графа, а затем, когда оказался в фаворитах у Генриха VI, стал первым герцогом саффолкским; стоит также добавить, что его женой была Алиса Чосер, внучка прославленного поэта. Дочь графа Майкла (тётушку леди Стэплтон) также звали Кэтрин, она была настоятельницей в аббатстве Баркинг под Лондоном; к важным фактам биографии последней относится то, что она воспитала двух старших сыновей Овейна Тюдора и Катерины Валуа.

Из сказанного следует, что семейство Де ла Полей было теснейшим образом связано с королевским двором, а опосредованно – и со знаменитыми поэтами. Не удивляет, что Метэм буквально вслед за указанием на семью своих покровителей Стэплтонов поместил похвалы Чосеру и Лидгейту: кроме того, что он действительно восхищался умением первого рифмовать и риторическими способностями второго, он мог ввести в текст романа упоминание о них по той причине, что Де ла Поли (в лице герцога Уильяма) породнились с семьёй Чосера, а Лидгейт был родом из одноименного городка в графстве Саффолк. А главное – то, что Де ла Поли были весьма образованными феодалами.

В XV веке, как известно, заметно меняется функция существования рукописей: если в предыдущие века рукописи были необходимы прежде всего менестрелям и составом произведений отражали литературные вкусы того местного общества «потребителей» историй в конкретном графстве, которых занимал своими рассказами менестрель-исполнитель, то теперь создатели рукописей начали ориентироваться на вкусы отдельных богатых читателей, среди которых в моду входило такие рукописи собирать (речь идет, разумеется, не только об иллюминированных манускриптах). И рукопись, которая сегодня известна как *Princeton University Library, MS Garrett 141*, отличается от большинства других, относящихся к тому же веку, тем, что все тексты Джона Метэма в ней выполнены одной и той же рукой, так что уместно предположение, что это сам молодой писатель, ориентируясь на вкусы покровителей, создал им в дар своеобразное *собрание собственных сочинений*. С другой стороны, очевидно и стремление поэта показать себя перед ними настоящим ученым мужем. Это стремление побудило Метэма спроецировать в свой романский текст разнообразные мотивы известных сочинений – как художественных, так и научных.

Самая очевидная и яркая проекция – использование в завершающей части романа двух сцен из трагической истории Пирама и Фисбы, кратко представленной в Четвёртой книге «Метаморфоз» Овидия (эта краткость первоисточника заметна в сопоставлении с объемом рыцарского романа, который приблизительно в двадцать раз больше – 112 гексаметрических строк против 2.222 стихов), впрочем, такое использование, при котором сцены были не просто заимствованы, а пересозданы, с детализацией и привнесенными элементами психологизма; а трансформированный сюжетный материал популярного в Средние века античного автора оказался перелицованным

настолько, что прежде трагическая кульминация двойной гибели влюбленных теперь разрешалась счастливым финалом в виде воскрешения и брака. Также в новом сюжете присутствуют известные мотивы средневековой словесности, нередко столь же кардинально измененные [8]. А рядом с отголосками художественных творений прошлого и современности у Метэма тут и там разбросаны по тексту следы влияния его ученых занятий – изучения минералогии, ботаники, астрологии и прочих наук, которые были представлены в позднесредневековых университетах. Неудивительно, что некоторые фрагменты «Амория и Клеопы» связаны с существовавшими научными жанрами, в частности, с жанрами бестиария, гербария, лапидария, и т.д. [6], [7].

Такое смешение научного и художественного материалов было ново для жанровой формы английского рыцарского романа в целом. Тем важнее проследить, на какие именно известные образцы каждого научного жанра ориентировался писатель, и определить, точно ли он переносил сведения из освоенных трудов авторитетных ученых, или вольно интерпретировал почерпнутые сведения.

Обсуждение. Текстологический комментарий

В данной статье мы обратимся к отдельному короткому эпизоду – сцене бессонницы Паламедона, отца героя романа. В этом эпизоде (стихи 246-325) поэт декларирует изложение «астрономических», по его словам, сведений, которые оглашает упомянутый персонаж. В романе есть ещё один большой фрагмент текста, связанный с астрономией, но он представляет собственно авторское описание, в основном посвященное «экфрасису созвездий». А в сцене бессонницы читателей поджидают разнообразные сведения, относимые к азам *космологии*. В целом, всё, что имело отношение к небу, оказывалось предметом науки более высокой, нежели остальные. Отсюда некоторый снобизм Метэма, уже в первых строках эпизода от лица повествователя противопоставляющего себя неученой толпе (здесь и далее представлен оригинальный текст по изданию С. Пейджа, сопровождаемый точным прозаическим переводом и – в круглых скобках – поэтическим переводом автора данной статьи):

And nowe my autour I muste folow in astronomy,
The qwycche dymme ys to onlernyd folk, I trowe verily.

Ст. 246-247: И теперь вслед за моим автором я должен перейти к астрономии, // Которая, я в том уверен, темна для неученого люда.

(Ст. 246-247: Но астрономией я должен вас занять, // Чьих неучам азов, поверьте, не понять).

Такая позиция была обусловлена тем, что астрономия основывалась в числе прочего и на геометрии, на математических расчетах. В целом, слово «астрономия» в Средние века скрывало многозначность. Недаром Стивен Маккласки, автор монографии «Астрономии и культуры в раннесредневековой Европе», ее заглавие начал со словоформы со множественным числом: три раздела его книги посвящены соответственно 1) солярным и лунарным традициям древности с мифологизацией небесных явлений; 2) христианским традициям астрономических подсчетов определения точного времени Пасхи для каждого года – подсчетов, известных как *computus*; 3) идущей из Античности традиционной геометрической астрономии, занимающейся расчетами траекторий движения звезд и планет (эталонным образцом данного вида астрономии был «Альмагест» Клавдия Птолемея, пожалуй, наиболее влиятельная книга для средневековых ученых, богатая математическими таблицами) [13]. Отношение к астрономии как к сложной науке могло базироваться на суждении такого важного для Средних веков авторитета, как Аристотель, который в «Метафизике» назвал астрономию «стоящей ближе всего к философии математической наукой» (XII, 8, 1073b) [2, С. 315].

Кроме того, средневековье, как известно, было очаровано аллегорией как приемом. Неудивительно, что вид неба в целом был живописной аллегорией античных мифов. Но, с другой стороны, он же аллегорически соотносился не только с абстрактными сюжетами далекого прошлого, но и с конкретными человеческими судьбами времени настоящего. Это второе соотношение сказало на известных представлениях о том, что «звезды управляют судьбами». Подобные стереотипы транслировались даже ведущими авторами (вспомним «Рассказ Законника» из «Кентерберийских рассказов» Чосера: прославленный поэт не единожды по ходу движения сюжета напоминает читателям о связи звезд и судеб героев). Здесь уместно вспомнить, что в рукописи Метэма его роман помещен между трактатами по хиромантии и физиогномике. И в той, и в другой «науках» отдельные термины служили апелляцией к астрономии.

Так, из Античности пришла традиция изображать геоцентрическую систему (вспомним градуально удаленные от Земли небеса в «Раю» Данте). Упрощая (и, возможно, огрубляя) идею расположения планет вокруг Земли, положенную в основу этой системы, её можно представить так: допустим, планеты плывут кругом Земли с одинаковой скоростью, мы же с Земли замечаем, что Луна намного быстрее оборачивается, чем Венера, а Сатурн – медленнее всех. Это означает разную удаленность планет от земной поверхности. Поскольку Луна – самая «быстрая», то окружность, по которой она движется, – с самым маленьким радиусом, Сатурн же, напротив, движется по окружности с самым большим радиусом. К наблюдениям за планетами древние подверстывали мифологические объяснения. В частности, Цицерон в трактате «О природе богов» объяснял наблюдаемое землянами медленное движение Сатурна так: «А Сатурном назвали его от того, что он насыщается (*saturaretur*) годами. <...> Сатурн был закован Юпитером, чтобы время не бежало слишком быстро; чтобы умерить его течение, на него были наложены звездные узы» (II, XXV) [9, С. 121].

Эти представления дошли и до средневековой Англии. Роберт Глостерский перечислил традиционные разноудаленные сферы (т.е. орбиты планет) в своей «Метризованной хронике» (ст. 2437-38), от самой дальней (ее называли «высокой») до самой близкой («низкой»): “Saturnus · & Iubiter · Mars & ꝑe sonne ywis · Venus · & Mercurius · ꝑe Mone lowest is” («Сатурн и Юпитер, Марс и также Солнце, Венера и Меркурий, нижайшая Луна») [19, С. 174]. А в

популярном у англичан второй половины XV в. переводе анонимной старофранцузской «Книги источника всех наук» (конец XIII в.), в сохранившейся его рукописи *London, British Library, Lansdowne 793* озаглавленном «Sidrak and Bokkus», прямо указано: “Euery planet so haueþ his · A speere þere þis going is · Þe mone is also lowest of alle · Saturnus þe hiest þat we calle” («Каждая планета имеет свою // Орбиту, по которой движется. // Также Луна ниже всех, // Сатурн же высочайший, как мы <его> называем»).

И сам Метэм в трактате “Palmistry” («Хиромантия»), кажется, не имеющем ничего общего с астрономией, всё-таки воплощает упомянутые представления, походя связывая с Сатурном, Меркурием, Венерой, Юпитером и Марсом пять пальцев руки: “And to uche off this fyngyrrys ther ys a planete longyng: Saturne longyht to lengest fynger...” («И каждый из этих пальцев имеет принадлежащую ему планету: Сатурн принадлежит наиболее длинному пальцу...»). Понятно, что такое соответствие определено тем, что Сатурн – «высокий» [15, С. 86]. Если Метэм занимался специфическими средневековыми «науками», в которых видел связь с астрономией, то она должна была казаться ему некоей стержневой наукой, определяющей многое в сфере ученых знаний.

But now I returne to Palamedon, the qwycche lay in rest,
Abydyng sum tokyn qwan Aurora schuld spryng.
And as he lay wakyn, he herd a ruschyng of a chest,
For qwycche noyse he wythowte taryng
Styrt up to wyte yf ony creature were styryng.
"Ho goth ther?" quod he; and aftyr styll he stode for to here
Yf ony servaunt had walkyd ther nere.

And to the mortere of wax he yed to aspye the wast
To wete yf tyme were fore to ryse,
To knowe allso how fer the nyght was past.
And as he the brennyng of the mortere gan devyse,
The nyght chauntour, the cok, hys fyrst salme dyd appryse
"A!" thought he, "this sygnyfyith mydnyght.
The cok none ere crwe; yt wul be long or yt be daylyght."

Ст. 248-261: Но сейчас я возвращаюсь к Паламедону, который прилег отдохнуть, // Ожидая некоего знака, <который> пролетит Аврора. // И в то время, как он, проснувшись, лежал, он услышал шум, // Из-за которого он без промедленья // Вскочил, чтобы обороняться, если кто-то крался. // «Кто там?» – спросил он и стал вслушиваться в тишину, // Не прошел ли мимо какой-нибудь слуга.

И к чаше со свечой он подошел проверить, сильно ли // Она прогорела и не время ли вставать, // А также узнать, минула ли ночь. // И только он начал тушить фитиль свечи, // Как ночной певец, петух, пропел свой первый псалом. // «А-а, – подумал он, – Это обозначает полночь. // Петух больше не поет, <значит> ещё долго до дневного света».

(Ст. 248-261: К Паламедону я вернуться поспешу, // Что в дрёме ждал, когда Аврора явит знак. // Но неча ночи прочь, едва раздался шум // Столь подозрительный, что мнилось, крался враг. // И для защиты он вскочил, вскричав: «Итак, // Кто ходит там?» – и стал шагов пытаться звук // Поймать, не промелькнёт ли мимо кто из слуг...)

И к чаше со свечой он двинулся узнать, // Не слишком ли фитиль у одной прогорел: // Коли ночь минула, то время и вставать. // Но только притушить он пламя захотел, // Как первый свой псалом ночной певец пропел. // То петел был. «Сие, – подумалось ему, – // Знак полночи, и свет не скоро сменит тьму»).

Поэту было необходимо изложить занимавшие его астрономические сведения, и он нашел способ мотивировать их использование. Для этого он ввёл в сюжет бессонницу Паламедона, притом и сама бессонница, и обращение страдающего от нее персонажа к рассматриванию неба – неслучайны. По сюжету Паламедон и Дид (отцы соответственно Амория и Клеопы) – ближайšie сподвижники Нерона. Им в соправление император дал вымышленную столицу Персии – город Альбинест. Дид более администратор, чем воин, Паламедон – наоборот. Нерон призвал Паламедона помогать в завоевательных походах, а Дид временно единолично управляет городом. По возвращении в Рим после очередного похода Паламедон получает послание от соправителя с вестями о том, что главный городской храм Венеры был разрушен бурей и что Дид его отстроил наново – и теперь приглашает Паламедона с сыном на торжество по этому поводу. Богобоязненный Паламедон, по-видимому, показан в сильном душевном волнении после получения вестей, чем и вызвана его бессонница. В языческом храме условной Персии были представлены многие из античных богов, и бессонный правитель воспринимает восстановленный Дидом храм и как свой собственный, поэтому решает рассмотреть небосвод как собрание тех самых богов, которые должны будут обрести место в «его» храме.

Forth than to the wyndow he yed to wyt how the day schuld preve;
And as he kyste up hys eye to the fyrmament,
He aspyid Latona, how sche toke her leve
Of Jovys her love, and howe Boetes gan dreve
Hys bryght plowgh of sterryys, and eke the systyrrys at ther stent,
The qwycche be namyd the sterryys sevyn,
How thei gan appere in the myddys of hevyn.

Ст. 262-268: Затем к окну он подошел ожидать появления дня. // И стоило ему возвести глаза на небосвод, // Как он увидел Латону, и как она уходила // От Юпитера, своего любимого, и как Волопас стал править // Своим ярким плугом из звёзд, и также созвездие равных <звёзд>, // Имя которому Семь Звезд, // То, как они начали появляться посреди небес.

(Ст. 262-268: Он подошел к окну, на темный небосвод // Возвел глаза свои, чтоб тайно проследить, // Как от любимого Юпитера уйдёт // Латона, а еще как Волопас начнет, // Направив звездный плуг, надел свой боронить, // А также, наконец, увидеть Семь Сестёр, // Явление чьё среди небес ласкает взор).

Уже начальные упоминания о небесных объектах останавливают внимание своей *загадочностью*. Первое, что видит Паламедон на ночном небе – то, как Латона (латинское название для греческой богини Лето) уходит от Юпитера. Но в астрономических трактатах небесного тела с названием «Латона» не было (только в 1907 году это ранее не использовавшееся мифическое имя будет присвоено одному астероиду). Можно было бы предположить, что поэт перепутал «Латону» с «Люциной» (луной), но этому препятствует миф, который, очевидно, был хорошо известен Метэму: Латона родила от Юпитера Феба и Диану. Диану римляне именовали также Люциной, отождествляя с Луной. Но в таком случае на небесном месте любимого, от которого уходит Люцина, должен был бы оказаться кто угодно, только не Юпитер: инцестуальных отношений между Дианой и ее отцом ни Античность, ни Средние века не знали. Остается заключить, что здесь Метэмом была допущена странная контаминация, *на грани ошибки*: с точки зрения мифологии, он был точен, указав на пару Латоны и Юпитера, однако, с точки зрения астрономии, проявивший снобизм поэт-ученый описал нечто неизвестное.

Далее в той же строфе он упомянул Волопаса: “*Voetes*” (лат. *Voötes*) с античных времен обозначало и «Пахарь», и «Погонщик волов». А вслед за Волопасом – Семь Звезд, или Семь Сестер. Это мог быть входящий в созвездие Тельца астеризм Плеяды, состоящий из семи звёзд. Но вспомним и о том, что Цицерон в трактате «О природе богов» цитировал ранее переведенного им на латынь древнегреческого поэта Арата из Сол (315 г. до н.э. – 240 г. до н.э.), который упомянул звёзды Большой Медведицы: «Наши их обычно называют Семью Волами» («О природе богов», II, 41) [9, С. 135]. (Но в соответствующих строках древнегреческого оригинала Арат поминал не «Волов», а «Повозку»: «...Вокруг две Медведицы рядом // Связно с осью бегут, за что и прозвали их “Возы”» [1, С. 25]). Именно этих Волон погонял Волопас, и потому нельзя исключить того, что Джон Метэм имел в виду данное созвездие. Впрочем, о звездах, которые Паламедон видит с наступлением полночи, сказано, что «они начали появляться посреди небес»: так как Большая Медведица, в отличие от Плеяд, не уходит за горизонт и всю ночь видна на небе, велика вероятность того, что обозначены Плеяды.

And as he hys chere turnyd to behold Pegasus,
The fyry goddes of the fyrmament gan to schew here face.
And qwan he hys lady aspyid, that namyd ys Venus,
Wyth devoute preyyer to beseche her of grace
On kneys doune hym sett, and for this preysyng gan race
In magnyfyng the gloryus chyvalry stellygerat
In qwemyng of Venus and Mars that than were at debat.

Ст. 269-275: И как только он повернулся наблюдать за Пегасом, // Огненная богиня небосвода явила <всему миру> свое лицо, // И он тотчас стал следить за своей госпожой, имя которой Венера, // Со смиренной молитвой о ниспослании ей благодати, // Преклонив колени, и началась молитва эта // С возвеличивания вознесённого до небес славного рыцарства, // Чтобы умиротворить Венеру и Марса, между которыми в то время была распря.

(Ст. 269-275: Едва собрался он Пегаса созерцать, // Венера огненный ему явила лик, // И он, дабы снискать богини благодать, // Пред ней простерся ниц и ей хвалу воздвиг. // В молитве искренней той, чей удел велик, // Он, мысля угодить, её превозносил, // Она же с Марсом спор вела по мере сил).

В данной строфе останавливает на себе внимание огненность Венеры. В Средние века женское противопоставлялось мужскому, в том числе и как водяное огненному и мокрое сухому (см. далее стих 292, упоминание “*femenyn schouris*”, т.е. буквально женских «орошающих ливней», т.е. бурных слез), а Венера как богиня Любви противопоставлялась Марсу как богу Баталий. Однако никакого противоречия в том, какой оказалась представлена Венера, не возникает при учете идущей из Античности традиции, описанной А.А. Тахо-Годи в комментариях к диалогу Платона «Тимей»: «Из чистого огня Платон создает высших богов; из эфира – видимые живые существа, а именно божественный род; из воздуха и воды – полубогов...» [4, С. 615-616]. Джон Метэм при изображении Венеры оказался транслятором идеи, берущей начало в диалогах античного классика.

"O!" quod he, "Ye immortal goddyis, alle incorporat,
The qwychе be pasyng of nature have trancendyd this mysery
Be fortunat fate, eternally deifyid and gloryfyat,
That ye the hevyn crystallyne illumyne and purifye
Of yowre infynyte goodenes, ye yowre wurchypperys deifye.
Be a prerogatyfe synguler, that thei that can yow feytfully plese
Ye yef them alle that ys to ther hartys ese.

Ст. 276-282: «О!» – сказал он, – «Вы бессмертные божества, полностью бестелесные, // Превосходство <над законами> Природы которых дало превосходство над ничтожностью <человеческого существования>. // С удачной судьбой, вечно обожествляемые и прославляемые, // Вы те, кто осветили кристаллическое небо и сделали <его> чистым. // Из-за вашей бесконечной доброты вас обожествляют поклоняющиеся вам. // По <полученному от вас> исключительному праву они могут верноподданнически умиловать вас, // Вы даете им всё, что успокоит их души».

(Ст. 276-282: «О, вы, – воскликнул он, – благие божества! // Быть выше смерти и телесности людской – // Сия тем выпала счастливая судьба, // Небесной тверди кто и свет дал, и покой. // Богопоклонники вас славят день-деньской, // И подтвердит любой ваш преданный слуга, // Что расточаете вы, вняв мольбам, блага»).

Идея кристаллического неба стала распространяться с начала XV века. До этого века мы на космологических схемах встречаем то строение птолемеевской вселенной, которое кратко описал К.С. Льюис: «За сферой Сатурна находится *Stellatum*, к которому принадлежат все те звезды, которые мы до сих пор называем «неподвижными», потому что их положение относительно друг друга, в отличие от положения планет, неизменно. За Стеллатумом находится сфера, называемая Первой Подвижной, или *Primum Mobile*. Она, поскольку она не несет светящегося тела, не дает о себе никакого свидетельства нашим чувствам» [12, С. 96]. Стеллатум (Небо неподвижных звезд), обнимая сферы семи планет, был сферой восьмой, о чем, по словам Данте («Пир», II, III, 3-4), знал ещё Аристотель [3, С. 138]. Так описывал строение вселенной и английский астроном XIII в. Иоанн Сакробоско в трактате «De Sphaera» («О сфере») [5, С. 70-71], который – по началу Ренессанса включительно – использовался для изучения астрономии в всех университетах Европы и с которым поэтому был знаком Метэм. А у самого Данте девятое, кристаллическое небо ассоциируется со сферой Перводвигателя, *Primum Mobile*, как можно понять из следующего описания («Пир», II, III, 7-8): «Девятое небо воспринимается не чувственно, но через то движение, о котором говорилось выше; многие называют это небо Кристалльным, т.е. просвечивающим или насквозь прозрачным». И в качестве десятого, последнего неба поэт назвал Эмпирей, небо «пламенеющее и светоносное» [3, С. 139]. Но у Метэма речь о другом «*heven crystallyne*»: с 1398 года состав небесных сфер пополнился, когда корнский священник Джон де Тревиза завершил перевод с латыни на среднеанглийский язык популярной энциклопедии Варфоломея Английского (XIII в.) «*De Proprietatibus Rerum*» («О природе вещей»), в котором *Кристаллическим небом* назвал сферу между Небом неподвижных звезд и Перводвигателем, тем самым сдвинув нумерацию: основываясь на мнении Беда Достопочтенного, он представил новую девятую сферу как возникшую в результате силы Господней из хлябей небесных, лежавших в виде туманов за пределами Стеллатума («*On the Properties of Things*», VIII, 3) [18, С. 453]. Перевод Тревизы также приобрел популярность, и, скорее всего, на него, а не на «Пир» Данте оглядывался Метэм.

"O, hye Saturne!, reulyng wyth the septyr of prudens,
Alle terrenal accionnys cyrcumscryvyst indefycyentlye
Be the progeny deyfuid of thee - havynge decens
In fyre, aer, lond, and see- be ther namys them thus to applye:
As Jovys, fyry; Juno, aery; Neptunus, wattry; Pluto, erthy;
The qwyche, havynge of thise elementys septrat powere,
Thy chyldyr were iheryid; be thow and eke thei in fere.

"And eke, O Appollo!, to hos bryght chere my goddys alle
Yeve sted; and every lyvyng erthely creature,
Wyth erbe, floure, and frute, thee preyse in general,
And eke I thi servaunt, qwyl my lyfe wul endure.
In my jurny, fyry and nocht wattery do thi cure
To appere, I thee beseche; and I on thee most reverend wyse
A blake bole in the yle of Delfos schal to thee sacrifysse.

Ст. 283-296: «О, высокий Сатурн, правящий со скипетром благоразумия! // Все земные деяния ты неизменно ограничиваешь // Произшедшим от тебя обожествленным потомством // В огне, воздухе, земле и воде; об этом скажут их имена: // Юпитер – огненный, Юнона – воздушная, Нептун – водный, Плутон – земной. // Единолично владея этими стихиями, // Твои чада были восхвалены. Пусть же тебя, а также их вместе <хвалят>».

И ты, о Аполлон! Перед твоим ясным ликом все мои боги // Расступаются; и каждое живое земное существо, // Включая траву, цветок и фрукт, вообще все тебя хвалят, // А также и я, твой слуга, пока моя жизнь выдержит. // На моем пути ты оберегаешь меня от огня и хлябей, // И я твоему наиболее почитаемому идолу // Принесу в жертву черного быка на Дельфийском острове».

(Ст. 283-296: «Ты выше всех, Сатурн, благоразумья бог! // Божественных своих и дочерей, и сынов // Ты с элементами связать деянья смог: // Юпитер – вождь огня, Юнона – друг ветров, // Нептун – владетель вод, Плутон – земной покров // Чьё царство сторожит. Как дочери и сыны, // Будь славен – и хвалим, как те восхвалены!»).

«И ты, о, Аполлон, светлейший из богов, // Благословляющий любое существо, // Предмет почтения для трав, цветов, плодов, // А также для меня, адепта твоего! // Защита ты моя в скитаньях, ничего // С тобой не устршит. Пошлет моя рука // На твой алтарь Дельфийский черного быка!»).

Выше было указано, почему Сатурн оказался «высоким». Теперь же обратим внимание на то, что окружности на схемах небосвода не ограничивались неземным пространством, сама планета Земля была представлена в виде четырех последовательных слоев, связанных с элементами: земля – вода – воздух – огонь – а далее, уже в космосе, сферы семи

вышеназванных планет и прочие. Метэм удачно соединил эти традиционные представления о четырех слоях с именами четырех детей Сатурна, которые вышли из головы старого бога, после того как остальные боги-дети оказались им пожраны. Именно этим богам-богоборцам, победившим отца, приносили на алтаре черного быка. Метэм же, как видим, приравнивал к ним Аполлона.

"And O Mars, cheveteyn of nobyl weryouris,
Wyth Venus and Lucyna, the mone, pesybyl be;
For masculyne furyus ayens femenyng schouris
Amonge goddys ys ascryvyd but to crwelté.
And now, howe gloryus and howe blyssyd yt ys to se
Yowre deifyid cherrys, O goddis and goddessys alle.
Iheryd ye myght be eternally wyth infynyte memoryalle!

"And O eke ye nobyl deifyid sygnys! abstracte
From erthly mancionnis to the asuryd fyrmamente;
Sum fyx and sum revolvyng to and fro, in maner of the cateracte,
Betwene the poolys - bothe the qwyche namys thus represent
The poole Artyk and the poole Antartyk -- at the goddys entent
In sundry fygyrys, as summe stonyng, summe syttyng,
Sum defendyng, summe lying, summe water poryng.

Ст. 297-310: «О, Марс, полководец благородных воителей! // С Венерой и Люциной, т.е. Луной, будь миролюбив, // Ибо мужскую ярость в ответ на женские рыдания // Среди богов принято описывать как жестокость! // И теперь <скажу>, как славно, какая благодать видеть // Ваши божественные лики, о, все боги и богини! // Будьте вечно восхваляемы, славьтесь бесконечной славой!

И также вы, о, благородные божественные знаки, вознесшиеся // Из земных обиталищ к лазурному небосводу! // Некоторые неподвижны, а некоторые вращаются туда-сюда, как <небесная> катаракта, // Между полюсами – их оба представляют имена // Полюс Арктики и Полюс Антарктики, – по замыслу богов // В виде обособленных фигур, из которых кто-то стоит, кто-то сидит, // Кто-то обороняет, кто-то лежит, кто-то льет воду».

(Ст. 297-310: «И ты, свирепый Марс, воителей глава, // С луной Люциной и с Венерой будь нестрог, // Ведь гнев мужей в ответ на нежных жен слова // На небесах за грех считает всякий бог! // Блажен и славен тот, кто всех увидать смог // Богов с богинями, вот это благодать! // Так пусть же вечно все их будут почитать!»

«И ты, божественных круг знаков, Зодиак! // Ты из земных домов влечешь их в небосвод; // Один застыл там, а другой подвижен знак, // Он то к Антарктике, то к Арктике плывёт. // По замыслу богов, являет в свой черед // Фигуру каждый знак: кто встал, а кто сидит, // Кто защищается, льет воду иль лежит»).

Люциной называли и Юнону, и Диану; здесь, очевидно, речь идет о последней. Но почему луна Люцина была добавлена к Венере? Можно предположить, что только две эти планеты-богини представлены в числе семи планет, имеющих собственные небесные пути. Примечательно, что собрание небесных богов представлено судящим о противостоянии мужского/женского по законам земной *куртуазии*. Кроме внесения мотива из средневековых светских сочинений, Метэм прибегнул и к аллюзии на библейскую тему, припомнив *небесную катаракту*, которая вошла в английский язык с переводом Книги Бытия и обозначила «небесные шлюзы»: «В шестисотый год жизни Ноя, в семнадцатый день второго месяца, в тот день все источники великой бездны разверзлись, и шлюзы небес открылись» (Быт. 7:11); «Теперь источники бездны и шлюзы небес закрылись, и дождь перестал падать с неба» (Быт. 8:2).

"And be the hye provydens of yow, goddys colegyat,
Every sygne dysposyd ys be fatal ordynauns
That yche regnyth a tyme, hys cours kepung and estate,
Yche, aftyr hys dysposycion, reulyng wyth fortunat chauns
Them that born be undyr ther dyverse demenauns -
As summe to prosperyté and ese, summe to travel and gret vexsacion,
Sum to be leccherus, and sum onstabyll aftyr the sygnys dysposycion."

"Qwerefore, O Alna! wombe of the Sagytary of sterrys lucent,
Myself I deprehend that in thine exorte
I born was. O blyssyd sygne, fortunat appere to myne entent!
And I thi gloryus figure of pure gold, to thine apport,
Amonge my goddys schal fyx, and ever to thee resorte
Wyth sacryfyse; and alle sygnys of the fyrmamente, becaus of thee,
Wythin my tempyl in ther lykenes made schal be."

And Palamedon thus hys preyur than dyd conclude...

Ст. 311-325: «И по вашему высшему промыслу, коллегия богов, // Каждому знаку назначено судьбы велье: // В какое время знаку править, по какому пути следовать и в каком доме <находиться>, // Каждый после своего назначения

правит, предоставляя счастливый шанс // Для тех, кто родился <в период> его особого правления, // Кому-то – процветание и покой, кому-то – скитания и великие страдания, // Кому-то – предаваться страстям, а кому-то – слабость согласно предписанному знаком».

«А потому, о, Альна, живот светлосветного Стрельца, // Я осознаю, что на твоём восходе // Я был рожден. О, благословенный знак, яви удачу моим начинаниям! // И я поднесу тебе в дар славную фигуру из чистого золота, // Установлю её среди моих богов, И буду возвращаться к тебе // С подношениями; и из-за тебя все знаки небесного свода // Будут установлены в моём храме в своём земном обличье».

И Паламедон так завершил свою молитву...

(Ст. 311-325: «И, по велению коллегии богов, // Всем знакам дюжины предопределены // Свой путь, свой трон, свой срок для царственных трудов // Творить судьбу тем, кто под ними рождены: // Одним достаток и в покое жизнь даны, // Другим скитания, да в бедствиях скорбеть; // Одним – в страстях погрязнуть, прочим – ослабеть».

«Ты, Альна, о, Стрельца сияющий живот, // На чьем восходе я однажды был рождён! // Удачу мне твой знак в задуманном несёт! // Из золота идол твой велю отлить, и он // В любимых ряд божеств мной будет помещён. // Своим подобием чтоб мой украсить храм, // Всяк небосвода знак представлен будет там».

И сим Паламедон молитву заключил...)

Идея «звезд, вершащих людские судьбы» реализовалась в Средние века в *натальной* астрологии. При этом сама астрология, разумеется, опознавалась как один из практических видов астрономии. На это прямо указывал имевший широкое распространение среднеанглийский перевод восходящей к арабским источникам раннесредневековой компиляции “*Secreta Secretorum*” («Тайной книги тайн») [17, С. 66].

Персонаж Метэма в финале монолога обращается к «своей» звезде Альне. Как и в случае с Латоной, мы встречаем некоторое противоречие. С одной стороны, указано созвездие Стрельца, а в нем действительно есть звезда, которая могла бы быть Альной, – *Al Nasl* (араб.), звезда, находящаяся на *конце стрелы*, нацеленной Стрельцом на Скорпиона. Арабское имя означает «наконечник стрелы», и непонятно, почему Метэм поместил ее в *живот* Стрельца. С другой стороны, такого или подобного названия в иных среднеанглийских текстах не было зафиксировано. Но было единожды зафиксировано другое – *Al Nath* (араб.), причем в форме “*Alnath*” у Чосера, важного для Метэма и его покровителей. В «Рассказе Франклина» читаем: “*And by his eighte speere in his wirkyng He knew ful wel how fer Alnath was shoue Fro the heed of thilke fixe Aries aboue, That in the nynthe speere considered is*” (lines 1280-1283) [16, P. 498]. То же переводе О. Румера: «Чрез восемь сфер умел он рассчитать, // Как далеко Альнат удалена // От головы подвижного Овна, // В девятой расположенного сфере» (ст. 574-577) [10, С. 309].

Все звёзды в натальной астрологии помогали рождённым на их восходе, но как раз Альнат славилась как звезда исключительной удачи, а потому в контексте приведенной выше строфы обращение Паламедона именно к ней обретает особый смысл. Да только звезда эта не в созвездии Стрельца: сегодня она на границе двух других созвездий, поэтому одновременно числится и Бетой Тельца, и Гаммой Возничего. А главное – в том, что этим именем в Средние века вообще называли одну из звезд Овна. Приходится констатировать, что и тут Метэм допустил сознательную или невольную контаминацию.

Заключение

Теперь можно подвести итог рассмотрению того, как Джон Метэм использует в «Амории и Клеопе» космологические сведения. Прежде всего, отметим, что при декларируемом снобизме рассказчика авторская проекция астрономических сведений в текст романа его не усложняет: сами сведения в силу многовековой традиционности, связи с Античностью, достаточно просты – и связаны скорее с мифологической составляющей учения о строении вселенной, чем с математической. Самое сложное из того, что было известно автору, как показывает рассмотренный фрагмент романа с эпизодом бессонницы, – трактат Сакробоско с его изложением предельно облегченной геометрии движения небесных тел. Отметим также и то, что Метэм пытается дополнить мифологическую составляющую космологического учения, его отступления от привычных представлений о богах-планетах и о персонажах-созвездиях весьма интересны. А главное – в том, что его опус – это всё-таки не научный труд, а художественный текст, притом в виде рыцарского романа, и такая полижанровая форма, при которой стандартный фабульный каркас упаковывался в оболочку разнообразных научных сведений, стала ярким примером новаторского письма в недооцененном «бесплодном» столетии.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Арат. Явления / Арат; под ред. Н.А. Федорова, П.В. Щеглова [и др.] // Небо, наука, поэзия: Античные авторы о небесных светилах. — Москва : Издательство МГУ, 1992. — С. 24–61.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель; пер. А.В. Маркова. — Москва : РИПОЛ классик, 2018. — 384 с.
3. Данте Алигьери. Малые произведения / Данте Алигьери. — Москва : Наука, 1968. — 651 с.

4. Платон. Собрание сочинений : в 4-х т. / Платон; под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. — Москва : Мысль, 1994. — Т. 3. — 654 с.
5. Сакробоско И. О сфере / И. Сакробоско; пер. И.И. Аникьева, А.О. Денисова, В.Г. Долгополова // Средние века. — 2020. — Вып. 81 (3). — С. 69–80.
6. Семенов В.Б. Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета / В.Б. Семенов // *Litera*. — 2023. — № 12. — С. 403–416. — DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69469. — EDN LRYIJV.
7. Семенов В.Б. Как победить дракона, или Медицинские источники лапидарно-гербарных мотивов в рыцарском романе Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) / В.Б. Семенов // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. — 2024. — Т. 16. — № 3. — С. 147–156. — DOI: 10.17072/2073-6681-2024-3-147-157. — EDN WHWDZA.
8. Семенов В.Б. Первый английский сонет и его пародийная сущность / В.Б. Семенов // *Вестник КГУ*. — 2024. — Т. 30. — № 1. — С. 100–106.
9. Цицерон. Философские трактаты / Цицерон; пер. М.И. Рижского. — Москва : Наука, 1985. — 380 с.
10. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер; пер. с англ. И.А. Кашкина, О.Б. Румера. — Москва : Наука, 2012. — 951 с.
11. Hudson W.H. An Outline History of English Literature / W.H. Hudson. — London : G. Bell & Sons Ltd., 1913.
12. Lewis C.S. The Discarded Image: An Introduction to Medieval and Renaissance Literature / C.S. Lewis. — Cambridge : Cambridge University Press, 1967. — 231 p.
13. McCluskey S.C. Astronomies and Cultures in Early Medieval Europe / S.C. McCluskey. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 252 p.
14. Metham J. Amoryus and Cleopes / J. Metham; edited by S.F. Page. — Kalamazoo : Medieval Institute Publications, 1999. — 142 p.
15. Metham J. The Works of John Metham, Including The Romance of Amoryus and Cleopes / J. Metham; edited by H. Craig. — London : The Early English Text Society, 1916. — 184 p.
16. Skeat W.W. The Complete Works of Geoffrey Chaucer / W.W. Skeat; edited by W.W. Skeat. — Oxford : The Clarendon Press, 1900. — 667 p.
17. Steele R. Three Prose Versions of the *Secreta Secretorum* / R. Steele, T. Henderson; edited by R. Steele, T. Henderson. — London : The Early English Text Society, 1898. — 300 p.
18. Trevisa J. On the Properties of Things: John Trevisa's translation of Bartholomaeus Anglicus' *De Proprietatibus Rerum*. — Vol. I. — Oxford : The Clarendon Press, 1975. — 1397 p.
19. Wright W.A. The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester / W.A. Wright. — London : Printed for H.M. Stationery off., by Eyre and Spottiswoode, 1887. — Part I. — 590 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arat. Yavleniya [Phenomena] / Arat; edited by N.A. Fedorov, P.V. Shcheglov [et al.] // *Nebo, nauka, poeziya: Antichnye avtory o nebesnykh svetilakh* [Heaven, Science, Poetry: Ancient Authors on Celestial Bodies]. — Moscow : Moscow State University Press, 1992. — P. 24–61. [in Russian]
2. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics] / Aristotle; translated by A.V. Markov. — Moscow : RIPOL Klassik, 2018. — 384 p. [in Russian]
3. Dante Alighieri. *Malye proizvedeniya* [Minor Works] / Dante Alighieri. — Moscow : Nauka, 1968. — 651 p. [in Russian]
4. Plato. *Sobranie sochineniy : v 4-kh tomakh* [Collected works : in 4 volumes] / Plato; edited by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-godi. — Moscow : Mysl, 1994. — Vol. 3. — 654 p. [in Russian]
5. Sacrobosco I. O sfere [On the Sphere] / I. Sacrobosco; translated by I.I. Anikiev, A.O. Denisov, V.G. Dolgoplov // *Srednie veka* [Middle Ages]. — 2020. — Vol. 81 (3). — P. 69–80. [in Russian]
6. Semenov V.B. Polizhanrovaya struktura poemy Dzh. Metema "Amoriy i Kleopa" (1449) i bestiarnye motivy v "entsiklopedicheskom" epizode eyo syuzheta [The multi-genre structure of J. Metham's poem "Amoryus and Cleopes" (1449) and bestiary motifs in the "encyclopedic" episode of its plot] / V.B. Semenov // *Litera*. — 2023. — № 12. — P. 403–416. — DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69469. — EDN LRYIJV. [in Russian]
7. Semenov V.B. Kak pobedit' drakona, ili Meditsinskie istochniki lapidarno-gerbarnykh motivov v rytsarskom romane Dzh. Metema "Amoriy i Kleopa" (1449) [How to Defeat a Dragon, or Medical Sources of Lapidary and Herbarium Motifs in J. Metham's Chivalric Romance "Amoryus and Cleopes" (1449)] / V.B. Semenov // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. — 2024. — Vol. 16. — № 3. — P. 147–156. — DOI: 10.17072/2073-6681-2024-3-147-157. — EDN WHWDZA. [in Russian]
8. Semenov V.B. Pervyy angliyskiy sonet i ego parodiynaya sushchnost' [The First English Sonnet and Its Parodic Essence] / V.B. Semenov // *Vestnik KGU* [Bulletin of Kazan State University]. — 2024. — Vol. 30. — № 1. — P. 100–106. [in Russian]
9. Cicero. *Filosofskie traktaty* [Philosophical Treatises] / Cicero; translated by M.I. Rizhsky. — Moscow : Nauka, 1985. — 380 p. [in Russian]
10. Chaucer, G. *Kenterberiyские рассказы* [The Canterbury Tales] / G. Chaucer; translated from English by I.A. Kashkin, O.B. Rumer. — Moscow : Nauka, 2012. — 951 p. [in Russian]
11. Hudson W.H. An Outline History of English Literature / W.H. Hudson. — London : G. Bell & Sons Ltd., 1913.
12. Lewis C.S. The Discarded Image: An Introduction to Medieval and Renaissance Literature / C.S. Lewis. — Cambridge : Cambridge University Press, 1967. — 231 p.

13. McCluskey S.C. *Astronomies and Cultures in Early Medieval Europe* / S.C. McCluskey. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 252 p.
14. Metham J. *Amoryus and Cleopes* / J. Metham; edited by S.F. Page. — Kalamazoo : Medieval Institute Publications, 1999. — 142 p.
15. Metham J. *The Works of John Metham, Including The Romance of Amoryus and Cleopes* / J. Metham; edited by H. Craig. — London : The Early English Text Society, 1916. — 184 p.
16. Skeat W.W. *The Complete Works of Geoffrey Chaucer* / W.W. Skeat; edited by W.W. Skeat. — Oxford : The Clarendon Press, 1900. — 667 p.
17. Steele R. *Three Prose Versions of the Secreta Secretorum* / R. Steele, T. Henderson; edited by R. Steele, T. Henderson. — London : The Early English Text Society, 1898. — 300 p.
18. Trevisa J. *On the Properties of Things: John Trevisa's translation of Bartholomaeus Anglicus' De Proprietatibus Rerum*. — Vol. I. — Oxford : The Clarendon Press, 1975. — 1397 p.
19. Wright W.A. *The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester* / W.A. Wright. — London : Printed for H.M. Stationery off., by Eyre and Spottiswoode, 1887. — Part I. — 590 p.